

Джампаоло Панса и его вклад в коллективную память итальянцев

Неретин А. И.,

аспирант кафедры этнологии Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,
119192, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4,
a_neretin@inbox.ru

Аннотация: В статье рассматривается вклад итальянского журналиста и историка Джампаоло Пансы в итальянскую коллективную память. Дается определение понятию «коллективная травма», а также «структурному насилию». Идет речь и о последствиях фашистского режима для итальянской идентичности, выразившихся в культурной травме. Дается историографический обзор двух книг Дж. Пансы, которые произвели большое впечатление на итальянцев, так как он первым решился рассказать о взаимном двустороннем произволе победителей и побежденных, который происходил в Италии во время гражданской войны 1943–1945 гг. Об этом конфликте в Италии долгое время было запрещено говорить, чтобы не уязвлять и без того травмированное сознание. Молчание, которым была поражена Италия, в итоге сыграло плохую роль для итальянцев. Резко выйдя из фашистского мировоззрения, резко сменив свою идентичность с тоталитарной на демократическую, итальянцы испугались проработать эту травму, не желая вспоминать самосуд и произвол, которые совершали многие из тех, кого считали и по праву считают героями. Более того, многие семьи, которые были связаны с фашизмом или же просто придерживались этих взглядов, страшились о них говорить из-за риска возмездия.

Ключевые слова: коллективная память, коллективная травма, фашизм, историческая память, гражданская война, насилие, побежденные, мемуары.

В своих предыдущих статьях, посвященных структурному насилию и коллективной травме, опубликованных в журналах «Человеческий капитал» и «Философия и культура», я дал определения упомянутых понятий и разобрал их на примере Италии эпохи Муссолини¹. Повторю эти определения, ибо они помогут понять и причины, и смысл предприятия, осуществленного итальянским историком и журналистом Джампаоло Пансой, который попытался «разговорить» самую молчаливую часть итальянского народа — бывших сторонников фашизма. С этим именем связаны понятия культурной травмы и культурного и коллективного насилия.

Итак, если сила — это то, без чего невозможна сама жизнь, она является, можно сказать, основанием жизни, то насилие (лат. *violentia*) — сила, применяемая по

---

¹ См.: Неретин А. И. Структурное насилие и его проявление в Италии в эпоху Муссолини // Человеческий капитал. — 2023. № 2. — С. 11–18.; Неретин А. И. Феномен Джампаоло Пансы в дискурсе коллективной травмы послевоенной Италии // Философия и культура. — 2023. № 4. — С. 183–195.

принуждению (в том числе с использованием средств принуждения, т. е. физического насилия). Нас сейчас будет интересовать прежде всего неявное, «невидимое» давление на человека (а также способы его прививки человеку), предпринятое с целью воспитания таких способов (стереотипов) действия и поведения, которые становятся как бы обычными и непринужденными, «правилами для руководства ума». Такое насилие норвежский социолог Й. Галтунг назвал структурным, поскольку оно создается социальными институтами, оказывает огромное влияние на культуру и самоидентификацию народа, который подвергся такому влиянию.

С крушением тоталитарного режима итальянцы подвергли полному пересмотру навязанные им жизненные устои, что и породило такой феномен, который получил имя коллективной травмы как «неизбывного опыта “экзистенциальной негативности” в качестве фундаментального антропологического начала»² и который породил особые *trauma studies* с целью исследовать этическую необходимость такого личного засвидетельствования травмированного сознания. Одним из таких исследователей был американский социолог Джеффри Чарльз Александер, который определил культурную травму как эмпирическое, научное понятие, которое предполагает «наличие новых смысловых и причинных связей между ранее не связанными между собой событиями, структурами, представлениями и действиями»³ и ответственность общества, явившегося причиной травмы⁴. При этом Александер обнаруживает способы, какими процесс травмы может захватывать научный мир, СМИ, государственно-бюрократические организации, где репрезентационные процессы приобретают характер новостей, переданных кратко, этически нейтрально, с разных позиций, что снижает для слушателя/зрителя/читателя «болевого порог» передаваемой травмы, а заодно ее искажает.

Такое понимание коллективного насилия и травмы можно извлечь и из упомянутых усилий Дж. Пансы, который собрался понять происшедшее в Италии во время Второй мировой войны, куда ее вверг крестный отец фашизма Бенито Муссолини в 1940 г. С 1943 по 1945 г. в Италии велась гражданская война, которая унесла 76 тысяч жизней.

Однако эти события, особенно последнее, в Италии долго не вспоминали и по той причине, что народ вполне устраивала новая организация жизни, и потому, что такая тема, как гражданская война, а также вопрос о репрессиях левых и правых, «патриотизме», «национализме» были табуированы из «стремления погасить противоречия и переформатировать культурные и социально-политические паттерны»⁵. Победенным фашистам, их семьям или тем, кто был в зоне влияния фашизма, хотя сам фашистом не был, не давали слова, ибо боялись, что их рассказы могут выйти за рамки того принятого взгляда, что в то время считался единственно правильным и истинным, или это просто считалось лишним.

---

² Понамарева А. М. Теория культурной травмы как актуальная исследовательская перспектива: Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — 2015. № 3. — С. 6.

³ Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. — 2012. № 3. — С. 7.

⁴ Там же. С. 26.

⁵ Бахматова М. Н. Изучение проблем нациогенеза и национальной идентичности в Италии // Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса / Отв. ред. Т. Д. Соловей. — СПб.: Алетейя, 2018. — С. 101.

Как бы то ни было, лишь спустя 57 лет после окончания войны в Италии, когда жизнь и сознание стабилизировались, на книжные полки итальянских магазинов поступили работы итальянского журналиста Джампаоло Пансы, заставившие читателей не просто сойти с устоявшихся позиций, но испытать страх, стыд, недоумение от содержания прочитанного, которое появилось «вдруг» и потребовало объяснения, поскольку слово получили побежденные, представившие другую правду. Истории, рассказанные Дж. Пансой, не поколебали отношения к фашизму и тоталитаризму — они его откорректировали, показав разные, отнюдь не всегда героические, методы борьбы с ними, а главное — травмировали итальянское общество, выведя наружу тщательно скрываемое долгое время другое умонастроение. Речь шла уже не просто о пересмотре устоев, а об обнаруженной внутренней социальной болезни. В этом пересмотре свою роль сыграл Дж. Панса.

О биографии Пансы известно довольно мало. Он родился 1 октября 1935 г. в Казале-Монферрато, в Пьемонте. Окончил Туринский университет по специальности «история» и занимался темой гражданской войны в Италии. За свою жизнь он написал немало количество книг, однако мы остановимся только на двух: *I figli dell'Aquila*⁶ («Дети Орла») и *Il sangue dei vinti*⁷ («Кровь побежденных»).

Книга «Дети Орла» вышла в 2002 г. Оставив историческое поприще и став журналистом, но по-прежнему занимаясь гражданской войной, Панса взял интервью у 77-летней женщины по имени Альба М., которой к началу конфликта было 19 лет. Она рассказала ему о своем молодом человеке по имени Бруно, который воевал на стороне фашистов. Альба М. и Бруно — псевдонимы, однако, по словам Пансы, «Альба и Бруно — единственные вымышленные имена моего рассказа»⁸, тогда как «все остальное (*имена и факты*. — А. Н.) — точная реконструкция, надеюсь, что без большого количества ошибок относительно разных решающих событий итальянской гражданской войны с осени 1943 г. по весну 1945 г.»⁹.

I figli dell'Aquila, безусловно, принадлежит к мемуарной литературе, что означает: книга носит субъективный характер, и, хотя полностью довериться ему мы не можем, этот субъективизм, даже субъектность делает его лично привлекательным. Альба говорит только, что к этому времени она была уже вполне взрослой, поэтому многое помнит. Это значит, что, с одной стороны, можно положиться на ее рассказ, тем более что речь идет о запоминающемся событии в истории любого государства, будь то гражданская война в США 1861–1865 гг., России 1917–1922 гг. или Испании 1936–1939 гг. С другой стороны, никаких ссылок на другие источники, подтверждающие ее слова, в своем рассказе она не приводит. Лишь память — свидетель Альбы. Но после публикации книги ни один итальянский историк не опроверг информацию, содержащуюся в ней. Для нас эта книга интересна потому, что она показывает гражданскую войну глазами подруги солдата-фашиста и рассказывает о жестокости, проявленной партизанами по отношению к ним.

Вторая книга *Il sangue dei vinti* вышла в 2003 г. в том же издательстве, что и предыдущая. В качестве рассказчика автор выбрал Ливию Бьянки, флорентийскую

---

⁶ Pansa G. *I figli dell'Aquila*. Proprietà Letteraria Riservata. Sperling & Kupfer Editori S.p.A. Milano, 2002. XI. P. 386.

⁷ Pansa G. *Il sangue dei vinti*. Proprietà Letteraria Riservata. Sperling & Kupfer Editori S.p.A. Milano, 2003. XVIII. P. 381.

⁸ Ibid. P. IX.

⁹ Ibidem.

библиотекаршу, которая также рассказала о судьбе бывших фашистов уже после окончания гражданской войны, т. е. после свержения режима Муссолини 25 апреля 1945 г. Как и в предыдущей книге, имя рассказчицы выдуманно, а все остальное — сама интервьюируемая и описываемые ею события, — по словам Пансы, реальны. «Единственное выдуманное имя в этой книге — это Ливия... которая помогла мне в расследовании того, как происходила расплата (*с фашистами*. — А. Н.) после 25 апреля. Все остальное — правда. И это реально случилось во многих провинциях Северной Италии, с мая 1945 г. по конец 1946 г., а в некоторых случаях даже дольше»¹⁰. Хотя эта книга также носит мемуарный характер, но, в отличие от *I figli dell'Aquila*, рассказчик иногда ссылается на различных исследователей: «Прежде чем продолжить, я должна сказать вам, что моим главным источником является тщательное расследование одного правого исследователя, Антонио Серена, нынешнего депутата Национального альянса...»¹¹; «она мне протянула фотокопию одного рапорта болонской префектуры, который датировался 4 июлем 1948 г.»¹².

Эти книги имеют, на что надо обратить внимание, публицистический характер. Автор пишет максимально просто, чтобы его мог понять любой желающий. Панса, повторим, впервые поднял проблему не столько жестоких мер, примененных партизанами к фашистам, к поверженному врагу — это свойственно любой войне, — сколько умолчания о способах обращения с ним, о чем долгое время было запрещено говорить и что создавало иллюзию справедливого возмездия. Это и было целью издания его книг: не только война должна быть представлена во всей полноте, но и отношение своего и чужого, признанного и непризнанного, должно представлять человека как единое целое, ибо «сама обретаемая идентичность», позволявшая тем и другим считать себя итальянцами, должна «охватывать человека... в полноте его конституции, его существования»¹³.

Как уже было сказано, в своих книгах Джампаоло Панса шифрует имена респондентов. Это связано с тем, что информанты боялись рассказывать то, что знали именно они. Перед тем как начать говорить, «Ливия» упомянула, что издание такого рода книги — дело опасное. «Почему опасное?» — спросил автор. «Потому что книжка, которую вы хотите написать, притянет к вам волну критики. Они обвинят вас в переоценке отношения к фашистам»¹⁴. А такого рода переоценка вольно или невольно ведет к травмированности всего общества, независимо от количества читающих эти свидетельства.

Понимание такого рода травмы вообще не предполагает личностного переживания социально значимого события, хотя оно является важной составляющей для ее появления и осознания. Практика следования / не следования фашистской идеологии — не личностная практика, тоталитарное государство такой практики не предполагало. Человек военной и послевоенной эпох был глубоко укоренен в тот всеобщий порядок, который внедрялся во время муссолиниевского двадцатилетнего правления разными способами, но твердо и неукоснительно (хотя не все внедряемое становилось обыденным). Так была придумана «фашистская суббота», смысл которой был в том, что все итальянцы независимо от возраста

¹⁰ Pansa G. *Il sangue dei vinti*. Proprietà Letteraria Riservata. Sperling & Kupfer Editori S.p.A. Milano, 2003. XVIII. P. XVII.

¹¹ Ibid. P. 187.

¹² Ibid. P. 270.

¹³ Хоружий С. С. *Опыты из русской духовной традиции*. — М.: Издательский дом «Парад», 2005. — С. 18.

¹⁴ Pansa G. *Il sangue dei vinti*. Proprietà Letteraria Riservata. Sperling & Kupfer Editori S.p.A. Milano, 2003. XVIII. P. 22.

и пола обязаны были по субботам заниматься спортом. (Именно это установление не прижилось. Как отмечает К. Хибберт, «Естественные склонности и пассивное сопротивление народа свели эту программу на нет, и “фашистская суббота” стала в итоге не чем иным, как днем отдыха и развлечений, т. е. “английской субботой”»¹⁵.) Следующее внедрение, желавшее стать традицией, — «фашистская свадьба». В 1933 г. в Риме вступили в брак 2620 пар, которые в благодарственной телеграмме Муссолини, вручившему каждой из них подарки, обещали в ответ подарить родине солдата или «маленького Балиллу»¹⁶. В 1926 г. была создана юношеская организация Opera Nazionale Balilla (ОНБ), что в переводе с итальянского означает «Национальная организация Балилла», объединявшая подростков до 18 лет¹⁷. Членам этой организации были предоставлены большие возможности для занятий спортом. Молодежь благодаря «Балилле» впитывала эти новые мифы с самых ранних лет, в то время как люди постарше пропитывались тем же в Dopolavoro — созданной дуче организации (Opera Nazionale del Dopolavoro, «Национальная организация послетрудового досуга»). Ее члены могли слушать радио (Италия была не самой прогрессивной страной, радиоприемников здесь было не так много), играть в карты, пользоваться различными льготами (скидки на билеты в театры и кино, на товары широкого потребления, на летний отдых и туризм). «И... многие... вольно или невольно связывали полученные блага с завоеваниями “фашистской революции”»¹⁸.

«Травмированное» сознание, опознавшее цель такого внедрения, возникает, как правило, много времени спустя, главным образом, когда хаос событий обретет порядок в воспоминаниях и отразится в их интерпретациях. Причем это относится и к чьим бы то ни было сторонникам, и к их современникам-противникам. Слова «Ливии» словно предвидят такой сдвиг в сознании. Составляя единое целое с другими представлениями, такие воспоминания способствуют созданию культурных оснований для оформления феномена социально-психологической травмы, которая отличается от травмы отдельного человека тем, что «объединяет различные виды представлений и связана с изменением коллективной идентичности и переработкой коллективной памяти... В отличие от психологической или физической травмы, когда есть рана и опыт сильного эмоционального страдания отдельного человека, культурная травма означает драматичную утрату идентичности и смысла, прореху в ткани общества, которая воздействует на группу людей, достигших определенной степени сплоченности. В этом смысле не обязательно, чтобы травму ощущали все члены сообщества или непосредственно пережил бы хоть кто-то из них»¹⁹.

Потому и важны воспоминания каждого отдельного человека, тем более что это связано с темой фашизма — основного травматического события XX в., повлиявшего на сознание людей и XXI в., исследующего разрушения и социальные кризисы, породившие кризис идентичности, во время которого делаются неуклюжие попытки восстановить старую идеологию, и кризис смыслов тех или иных событий. А это уже связано, как писал

---

¹⁵ Хибберт К. Бенито Муссолини. Биография. — Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1998. — С. 97.

¹⁶ Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. — М.: ПЛАНЕТА, 2016. — С. 181.

¹⁷ Такое название было дано потому, что в 1746 г. 11-летний генуэзский мальчик Джованни Баттиста Перассо (по прозвищу Балилла) кинул в австрийского солдата камень, после чего началось восстание и австрийцы были изгнаны из Генуи.

¹⁸ Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. — С. 162.

¹⁹ Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. — 2016. № 5. — С. 42.

американский культуролог Александр Маркович Эткин, с понятием горя, в основе которого лежит не боль, а желание знать, что сделано или как могло быть что-то сделано с участниками страшных событий²⁰.

Дж. Панса, будучи «объективистом», решился рассказать итальянцам об их истории, как бы парадоксально это ни звучало. Ведь сутью его книг была именно та часть действительности, которую долго скрывали, так как «побежденные не имели права говорить»²¹. В качестве примера можно привести следующую ситуацию: в книге *Il sangue dei vinti* описывается поход автора и его респондента «Ливии» к одному из очевидцев событий гражданской войны. Когда к тому постучали в дверь и сказали, что хотят взять интервью на эту тему, он спросил: «Вы из какой-нибудь политической партии? Или из полиции?»²² Даже в XXI в. люди испытывают страх перед разговором о своей истории из-за старого табу²³. Важно отметить, что Панса не пытался никоим образом оправдать фашизм, он лишь хотел рассказать, что и как было со *всяким* человеком. Поэтому его и называют «объективистом».

Дело в том и заключается: что скрывается за этим молчанием? Травмированность сознания, закрытость, умолчание или — для некоторых — неведение, страх от одного лишь воспоминания, страх репрессий? Ведь молчали не только побежденные, но и победители. «Но даже сегодня мало кто хочет говорить об этих кровавых историях»²⁴. Поэтому на вопрос, что собой представляют книги Пансы и сам Панса как гражданин — «особый феномен бесстрашия или катастрофическое сознание?», можно ответить: «И феномен, и катастрофу». Феномен — потому что решился — одним из первых — нарушить запрет и напомнить о том, что было предано забвению. Катастрофа — потому что он может усугубить и так травмированное сознание итальянцев, еще раз продемонстрировав им «другую сторону» правосознания — самосуд и самопроизвол тех, кто по праву (подчеркнем это) считается борцом за правое дело.

Чтобы оценить значимость книг Пансы для Италии, нужно прочувствовать и продумать менталитет итальянцев. Народ боялся, стеснялся, стыдился и не хотел вспоминать то, что произошло. Многие пытались делать вид, что все хорошо и что ничего страшного не случилось. И вот, спустя более 50 лет после окончательного освобождения территории Италии от фашизма, на сцену выходит Джампаоло Панса, напоминая своему народу, каков он на самом деле. Для молодого поколения он — раздражитель, побуждающий перевести мифы в сознание, а вот для старого — неприятный памятник прошлому: старое поколение не хочет, чтобы ему лишний раз напоминали о промахах.

Самого же Пансу в Италии и знают, и не знают. Его имя на слуху, но лишь единицы смогут сказать, чем именно он известен. Кто-то скажет, что он писатель, но не назовет ни одной его книжки. Так в свое время Вольтер говорил о Данте: его все знают, именно поэтому его никто не читает.

---

²⁰ См.: Эткин А. Кривое горе: Память о непогребенных / Пер. с англ. В. Макарова. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 328 с.

²¹ Pansa G. *Il sangue dei vinti*. P. 162.

²² *Ibid.* P. 233.

²³ *Ibid.* P. 162.

²⁴ *Ibid.* P. 153.

Литература

1. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. — 2016. № 5. — С. 40–67.
2. Александер Д. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. — 2012. № 3. — С. 5–40.
3. Бахматова М. Н. Изучение проблем нациогенеза и национальной идентичности в Италии // Революции светские, религиозные, научные. Динамика гуманитарного дискурса / Отв. ред. Т. Д. Соловей. — СПб.: Алетейя, 2018. — С. 93–103.
4. Белоусов Л. С. Муссолини: диктатура и демагогия. — М.: ПЛАНЕТА, 2016. — 386 с.
5. Неретин А. И. Структурное насилие и его проявление в Италии в эпоху Муссолини // Человеческий капитал. — 2023. № 2. — С. 11–18.
6. Неретин А. И. Феномен Джампаоло Пансы в дискурсе коллективной травмы послевоенной Италии // Философия и культура. — 2023. № 4. — С. 183–195.
7. Понамарева А. М. Теория культурной травмы как актуальная исследовательская перспектива: Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — 2015. № 3. — С. 5–19.
8. Хибберт К. Бенито Муссолини. Биография. — Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1998. — 518 с.
9. Хоружий С. С. Опыты из русской духовной традиции. — М.: Издательский дом «Парад», 2005. — 445 с.
10. Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных / Пер. с англ. В. Макарова. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 328 с.
11. Pansa G. I figli dell'Aquila. Proprietà Letteraria Riservata. Sperling & Kupfer Editori S.p.A. Milano, 2002. XI. P. 386.
12. Pansa G. Il sangue dei vinti. Proprietà Letteraria Riservata. Sperling & Kupfer Editori S.p.A. Milano, 2003. XVIII. P. 381.

References

1. Alexander J. *Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'* [Cultural trauma and collective identity]. *Sociological Journal*, 2012, no. 3, pp. 5–40. (In Russian.)
2. Bakhmatova M. N. “Izuchenie problem naciogeneza i nacional'noj identichnosti v Italii” [Studying the problems of nationogenesis and national identity in Italy], *Revolyuicii svetskie, religioznye, nauchnye. Dinamika gumanitarnogo diskursa* [Revolutions are secular, religious, scientific. Dynamics of humanitarian discourse], ed. by T. D. Solovey. St. Petersburg: Aleteya, 2018, pp. 93–103. (In Russian.)
3. Belousov L. S. *Mussolini: diktatura i demagogiya* [Mussolini: dictatorship and demagogy]. Moscow: PLANETA, 2016. 386 p. (In Russian.)

4. Etkind A. *Krivoje gore: Pamyat' o nepogrebennyh* [Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied], trans. by V. Makarov. Moscow: New Literary Review, 2016. 328 p. (In Russian.)
5. Eyerman R. *Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat'* [Cultural trauma and collective memory]. *New literary review*, 2016, no. 5, pp. 40–67. (In Russian.)
6. Hibbert C. *Benito Mussolini. Biografiya* [Benito Mussolini. A Biography]. Rostov-on-Don: Publishing house "Phoenix", 1998. 518 p. (In Russian.)
7. Khoruzhiy S. S. *Opyty iz russoj duhovnoj tradicii* [Experiments from the Russian spiritual tradition]. Moscow: Publishing house "Parad", 2005. 445 p. (In Russian.)
8. Neretin A. I. *Fenomen Dzhampaolo Pansy v diskurse kollektivnoj travmy poslevoennoj Italii* [The phenomenon of Giampaolo Pansa in the discourse of collective trauma of post-war Italy]. *Philosophy and Culture*, 2023, no. 4, pp. 183–195. (In Russian.)
9. Neretin A. I. *Strukturnoe nasilie i ego proyavlenie v Italii v epohu Mussolini* [Structural violence and its manifestation in Italy in the Mussolini era]. *Human Capital*, 2023, no. 2, pp. 11–18. (In Russian.)
10. Pansa G. *I figli dell'Aquila. Proprietà letteraria riservata*, Sperling & Kupfer Editori S.p.A., Milano, 2002, XI, p. 386.
11. Pansa G. *Il sangue dei vinti. Proprietà letteraria riservata*, Sperling & Kupfer Editori S.p.A., Milano, 2003, p. 381.
12. Ponamareva A. M. *Teoriya kul'turnoj travmy kak aktual'naya issledovatel'skaya perspektiva: Vvedenie k tematicheskomu razdelu* [Theory of cultural trauma as an actual research perspective: Introduction to the thematic section]. *Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature*, 2015, no. 3, pp. 5–19. (In Russian.)

Giampaolo Pansa and his contribution to the collective memory of Italians

Neretin A. I.,
postgraduate student of the Department of ethnology
of Lomonosov Moscow State University,
27, building 4, Lomonosovsky Prospekt,
Moscow, 119192, Russia,
a_neretin@inbox.ru

Abstract: The article examines the contribution of the Italian journalist and historian Giampaolo Pansa to the Italian collective memory. The definition of the concept of "collective trauma", as well as "structural violence" is given. The work also deals with the consequences of the fascist regime on Italian identity, expressed in cultural trauma. A historiographical review of two books by J. Pansa, who made a great impression on the Italians, as he was the first to decide to tell about the mutual two-sided arbitrariness of winners and losers that took place in Italy during the civil War of 1943–1945. For a long time it was forbidden to talk about this conflict in Italy about what the traumatized consciousness did not allow to remember. The silence that Italy was struck by eventually played a bad role for the Italians. Having abruptly left the fascist worldview, having abruptly changed their identity from totalitarian to democratic, the Italians were afraid to work through this trauma, not wanting to remember the lynching and arbitrariness committed by many of those who were considered and rightfully considered heroes. Moreover, many families who were associated with fascism or simply adhered to these views were afraid to talk about them because of the risk of retaliation.

Keywords: collective memory, collective trauma, fascism, historical memory, civil war, violence, defeated, memoirs.